

Старостенко К.В.,
доктор политических наук, профессор
кафедры общей и прикладной политологии ФГБОУ ВО
«Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева».

Starostenko K.V.,
Chief of chair general and applied Political Science,
Doctor of Political Sciences, Professor,
Orel State University name after I.S. Turgenev.

Чекулаев А.А.,
кандидат политических наук, доцент
кафедры общей и прикладной политологии ФГБОУ ВО
«Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева».

Chekulaev A.A.,
associate Professor of General and applied political science,
candidate of political Sciences, associate Professor,
Orel State University name after I.S. Turgenev.

Постсоветское пространство во внешней политике современной России

В данной статье авторы анализируют место и роль постсоветского пространства для современной России. По мнению исследователей, комбинация сегментов «мягкой» и «твердой» силы во внешней политике нашей страны наилучшим образом способствует реализации и защите его национальных интересов как на постсоветском, так и Евразийском пространстве в целом.

Ключевые слова: Россия, международные отношения, постсоветское пространство, «жесткая» и «мягкая» сила, национальные интересы.

The post-Soviet space in the foreign policy of modern Russia

In this article, the authors analyze the place and role of the post-Soviet space for Russia today. According to researchers, a combination of segments of «soft» and "hard» power in foreign policy of our country in the best way contributes to the realization and protection of its national interests in the post-Soviet and Eurasian space in General.

Keywords: Russia, international relations, post-Soviet space, «soft» and "hard» power, national interests.

На протяжении всей истории международных отношений ведущим

фактором внешней политики государства являлась военная сила, находящаяся, в том числе, и в основе его дипломатических связей (военная дипломатия). Именно наличие достаточной военной мощи гарантировало и продолжает сегодня гарантировать государству суверенитет и безопасность в мире, позволяет создавать и защищать собственные зоны влияния. Например, для нашей страны сферой жизненно важных интересов является постсоветское пространство, внутри которого не прекращается активное противостояние за влияние, ресурсы, межрегиональные транзитные маршруты между такими ведущими геополитическими игроками, как: Россия, США, Евросоюз, Турция, Китай и Япония.

По нашему мнению, будущее Российской Федерации тесным образом связано с возможностью установления геополитического контроля над той частью Евразии, которая именуется постсоветским пространством. Именно это пространство не только способно умножить совокупную геополитическую мощь нашей страны, предоставив доступ к коммуникациям и ресурсам евразийского континента, но и будет способствовать эффективному обеспечению национальной безопасности. Потеря сфер влияния на постсоветском пространстве создает дополнительные военные угрозы для российских территорий, находящихся в непосредственной близости от военной инфраструктуры, например, НАТО или каких-либо экстремистских организаций. Необходимо особо подчеркнуть, что в условиях нестабильности международных отношений данная проблема становится весьма актуальной не только для российской геополитики, так как от ее успешного разрешения зависит безопасность как Российской Федерации, так и Евразии в целом.

Отметим, что сокращение государственной мощи России в конце XX в. стало закономерным итогом тех пертурбаций, которые произошли на территории бывшего Советского Союза. Крушение СССР привело к изменению границ в Европе, повлияло на баланс сил в мире и, самое главное, – пагубно сказалось на геополитических возможностях России обеспечивать собственную военно-политическую безопасность. В результате ухудшения политической и социально-экономической ситуации на территории большинства молодых независимых постсоветских государств наблюдается рост межгосударственных и этнических противоречий, которые прямым образом отразились на дальнейшей жизни русского и русскоговорящего населения бывшего Союза.

Все дипломатические попытки руководства России по налаживанию конструктивного взаимодействия по линии СНГ саботировались не только элитами новых суверенных акторов, но и не поддерживались ведущими международными акторами, такими как США. Американские правящие круги традиционно продолжали рассматривать Россию как страну с «имперскими амбициями», противоречащими их национальным интересам на Евразийском континенте, и поэтому всячески поддерживали политику отдаления от Москвы новых членов мирового сообщества, иной раз в самой радикальной форме (например, поддержка прибалтийского и украинского нацизма).

В сущности, образовавшийся геополитический вакуум на постсоветском пространстве США и многие другие государства мира попытались заполнить

своими цивилизационными проектами, которые естественно отвечали их интересам. Вашингтон практически сразу включил все республики бывшего СССР в сферу своих государственных интересов. При этом КНР и Турция свои внешние усилия на постсоветском пространстве определили в русле тех стран, с которыми у них имелись исторические связи. Сегодня Анкара активно поддерживает пантюркизм и исламский фактор на южном направлении СНГ и в Поволжье России, Пекин традиционно наращивает торговое взаимодействие и, в особенности, энергетическое с государствами Средней Азии, не забывая и про другие республики бывшего Союза. Но, что характерно, китайцы – это единственная геополитическая сила, которая не заинтересована в дезинтеграции постсоветского пространства, так как это несет им прямую военную и экономическую угрозу. Поэтому, в отличие от США и Турции, Пекин предлагает государствам постсоветского пространства развивать целый ряд двусторонних и многосторонних программ сотрудничества как в области безопасности, так и экономики.

Так, например, между Россией, Китаем и Монголией простирается огромное пространство, которое, по мнению китайской стороны, идеально подходит для развития сотрудничества. И чтобы это пространство не «пустовало», Китай предложил построить там китайско-монголо-российский экономический коридор [7]. Необходимо отметить, что развитие данных инициатив зависит не только от экономических возможностей сторон, но и от их силовых компонентов государственной мощи, без которых невозможно обеспечить безопасность транспортных коридоров на огромном Евразийском пространстве. Именно поэтому развитие проекта «Нового Шелкового пути» тесным образом сопряжено с геополитическим развитием ШОС, с подключением к этому международному формату сотрудничества новых государств Евразии. Более того, дальнейшее финансовое развитие системы БРИКС и ее кооперации вокруг евразийских инициатив Пекина и Москвы стали серьезным вызовом американскому миропорядку XXI в., делая мир действительно многополярным.

Стоит отметить, что недавно, в ходе международного форума «Пояс и путь», Си Цзиньпин обозначил также новые планы КНР на ближайшие годы: Китай намерен увеличить финансовую поддержку, дополнительно направив 100 млрд. юаней в Фонд Шелкового пути; Государственный банк развития Китая и Китайский экспортно-импортный банк предоставят целевые кредиты на сумму 250 млрд. юаней и 130 млрд. юаней соответственно для поддержки инфраструктурного, производственного и финансового сотрудничества в рамках инициативы «Пояс и путь». В ближайшие три года КНР предоставит развивающимся странам и международным организациям, участвующим в инициативе «Пояс и путь», грант в размере 60 млрд. юаней для запуска новых проектов по улучшению жизни населения, окажет продовольственную помощь на сумму 2 млрд. юаней, направит 1 млрд. дол. США в фонд помощи сотрудничества по линии «Юг-Юг», а также запустит 100 проектов «очаг счастья», 100 проектов помощи малообеспеченным и 100 проектов в области здравоохранения и реабилитации в странах вдоль «Пояса и пути».

Соответствующим международным организациям будет выделен 1 млрд. дол. для реализации проектов сотрудничества в рамках инициативы [6].

Таким образом, продвигая свои экономические интересы, Китай дает возможность, в том числе, и странам постсоветского пространства включиться в эту долгосрочную программу геоэкономического развития с последующими для них финансово-экономическими дивидендами. В отличие от США, Пекин и Москва не заинтересованы в том, чтобы вдоль их границ появлялись недееспособные страны, являющиеся источником терроризма и наркоторговли в регионе, как, например, Афганистан, Ирак, Ливия и Сирия, где Вашингтон использует концепцию управляемого хаоса для нанесения ущерба своим соперникам. Наглядным является тот факт, что во всех странах, находящихся в зоне проведения Вашингтоном своих военных операций, наблюдается рост числа террористических группировок, а также, если вспомнить Афганистан, увеличивается количество производимых наркотиков на территориях, где находятся американские военные.

По словам экс-главы ФСКН В. Иванова, борьба с наркотрафиком в Латинской Америке и Афганистане наглядно демонстрирует двойные стандарты. Если в Колумбии около 75 % посадок коки были уничтожены путем распыления специальных химикатов, то в Афганистане таким способом было уничтожено не более 3 % посевов опийного мака. Причины лежат на поверхности: афганский героин на внутренний рынок США практически не попадает и угрозы для них не представляет, тогда как основным рынком сбыта колумбийского кокаина как раз и являются Штаты. Еще более примечательно, что практически весь опиумный мак в Афганистане возделывается в тех районах, где дислоцируется больше всего подразделений НАТО, которые, судя по всему, и прикрывают его посевы [1].

В целом, по нашему мнению, борьба с производством опиумного мака в Афганистане для США и их союзников по НАТО в этой ситуации не имеет никакого геополитического смысла. Напротив, героин сегодня – это дестабилизирующий фактор в Центральной Азии и в России. Он позволяет финансировать различные экстремистские организации, а также эффективно сокращать демографический потенциал противника, ослабляя его лучше, чем любой локальный вооруженный конфликт последнего времени. И такое положение возникло сразу же после появления американцев в Афганистане. Если в 2001 г. в Афганистане было собрано всего 185 тонн опия-сырца, в 2002 г. – уже 1900-2700 тонн, в 2003 г. – более 7 тыс. тонн, а в 2004 г. – 12 тыс. тонн. В результате Афганистан уверенно занял по производству наркотиков первое место в мире. Спустя несколько лет, после того как страна оказалась под контролем США, она обеспечивала около 90 % мирового производства опия-сырца и почти 100 % его потребления в Европе. К 2010 г. мировой рынок афганских опиатов достиг 65 млрд. долл. [1].

Таким образом, можно выделить два разнонаправленных вектора эволюции постсоветского пространства и Евразии в целом. Первый вектор формирует США. Американское направление развития региона предполагает сохранение военной напряженности для недопущения консолидации стран

вокруг китайских, российских или иранских международных программ. Судя по последним десятилетиям, США готовы приложить максимум усилий для выполнения данных задач, тем более, что у них накоплены большие ресурсы «мягкой» и «жесткой» силы, которые можно использовать для сохранения глобального лидерства Вашингтона в мире. Поэтому в ближайшее десятилетие вряд ли стоит ожидать снижения угрозы международного терроризма и эскалации конфликтов вдоль постсоветского пространства и Евразийского континента в целом.

Второй вектор постсоветского и евразийского развития в данный момент исходит от российско-китайской стороны. В отличие от политики США он направлен на конструктивное взаимодействие государств региона, на создание условий их финансово-экономической и политической кооперации в рамках существующих международных организаций. Основной вопрос стоит в том, смогут ли Москва и Пекин договориться между собой и другими игроками региона о сферах влияния на евразийском пространстве, дабы обеспечить его конструктивное развитие в условиях геополитической нестабильности системы международных отношений.

К сожалению, приходится признать, что после распада Советского Союза российская политическая элита не всегда активно защищала государственные интересы на постсоветском пространстве, а зачастую интересы ее шли вразрез с национальными интересами нашей страны. Это объяснялось тем, что большинство членов российских руководителей того времени было идейными западниками, готовыми вести Россию в русле американской политики, нежели отстаивать собственные интересы в мире. При этом высшее политическое руководство государств европейской части постсоветского пространства активно проводило политику вхождения в сферу политического и экономического влияния ЕС и НАТО. В результате недальновидной политики российского истеблишмента военная инфраструктура НАТО и конкретно США сегодня находится на западных границах Российской Федерации, причем, наращивание военной мощи продолжается.

Так, например, в 2016 г. руководством НАТО принято решение о размещении в Латвии, Литве, Эстонии и Польше многонациональных батальонов на ротационной основе. На авиабазе «Мальборк» в Польше уже осуществляют дежурство четыре истребителя F-16 из Нидерландов, на авиабазе «Ласк» – восемнадцать самолетов, переброшенных американцами с итальянской базы, близ города Повидзь базируются американские транспортные самолеты C-130J, в городе Люблин создается литовско-польско-украинская специальная бригада быстрого реагирования. Рядом с городом Редзиково начинается строительство базы ПРО США. Необходимо отметить, что европейский военный плацдарм укрепляется не только за счет переброски в Восточную Европу техники из стран НАТО. Все государства региона усилили закупку вооружений для собственных армий. Так, например, Польша приобретет 70 вертолетов, артсистемы калибром до 300 мм, 40 крылатых ракет, способных поражать цели на дальности до 370 км, беспилотники. Латвия закупит у Великобритании 120 боевых гусеничных машин разведки, Литва

приобретет противотанковые системы из США и ПЗРК из Польши. Эстония заключила договор с голландцами на поставку 44 БМП CV-90 [2].

Вблизи границ с Россией регулярно проводятся военные учения. Так, например, в 2014 г. в крупном учении «Анаконда-2014» приняло участие 12,5 тысяч военнослужащих из Польши и еще восемь стран НАТО, 123 боевые бронемашины, 30 систем залпового огня, 17 кораблей, одна подводная лодка и 25 самолетов. В апреле 2017 г. на территории Латвии прошли крупные международные военные учения НАТО «Summer Shield XIV», в которых участвовали подразделения государств-участников блока США, Латвии, Литвы, Эстонии, Канады, Германии, Люксембурга, Словакии, Румынии, Болгарии и Швеции. Маневры объединили три части оборонной составляющей Латвии: сухопутные, военно-воздушные силы и Земессардзе (народное ополчение). По официальным заявлениям НАТО, учения проводились для повышения региональной стабильности и безопасности, укрепления потенциала и повышения доверия, улучшения сотрудничества между вооруженными силами Организации Североатлантического договора и членами программы «Партнерство ради мира» [5].

Необходимо помнить, что территория России и ее природные богатства делают нашу страну объектом постоянных геополитических притязаний со стороны ведущих мировых акторов, в частности, лидеров Запада. Именно об этом в начале XXI в. говорил З. Бжезинский. Американский политолог подчеркивал, что: «...первоочередная цель американской внешней политики должна состоять в том, чтобы ни одно государство или группа государств не обладали потенциалом, необходимым для того, чтобы изгнать Соединенные Штаты из Евразии или даже в значительной степени снизить их решающую роль в качестве мирового арбитра. Это означает – успешно отсрочить опасность внезапного подъема новой силы, в первую очередь, России и Китая. США преследуют цель сохранить господствующее положение Америки, по крайней мере, на период жизни одного поколения, но предпочтительнее на еще больший срок. Они должны не допустить восхождение соперника к власти» [3].

В основе данных геополитических размышлений З. Бжезинского лежала оценка того, что держава, получившая господство в Евразии, тем самым получает господство над всем остальным миром. Эта огромная, причудливых очертаний евразийская шахматная доска, простирающаяся от Лиссабона до Владивостока, является ареной глобальной игры, причем доминирование на всем Евразийском континенте уже сегодня является предпосылкой для глобального господствующего положения. И происходит это лишь потому, что Евразия, бесспорно, является самым большим континентом, на котором проживает 75 % населения мира и на котором располагаются 3/4 всех мировых энергетических запасов.

Современная политическая практика убеждает, что основой реализации национальных интересов страны в международном пространстве в XXI веке продолжают оставаться компоненты государственной мощи, которые, например, американский ученый Р.С. Клайн подразделил на две большие группы – материальные и духовные. Однако нам больше импонирует

классификация компонентов государственной мощи, осуществленная американским исследователем Дж. Найем, который, развивая теорию Р.С. Клайна, выделяет «твердую» (hardpower) и «мягкую» (softpower) государственную силу в международных отношениях. Материальные элементы совокупной государственной силы именуется «твердой силой», а ее духовные элементы – «мягкой силой». В противоположность «мягкой силе» «твердая сила» представляет собой набор инструментов давления (военно-политического, экономического, дипломатического), заставляющих другие страны действовать определенным образом. Дж. Най отмечает: «Мягкая сила» – это способность добиваться желаемого на основе добровольного участия союзников, а не с помощью принуждения или подачек» [4].

К «мягкой силе» относятся: стратегия развития государства, идентификационная мощь его идеологии и ценностных ориентаций, притягательная сила его социального строя и модели развития, его способность проведения основной линии и стратегии развития, цементирующая сила его народа, творческая сила нации, обаяние культуры и сила влияния в международных делах. Все это, по мнению ученого, – духовные элементы, дающие «soft power» возможность проникать везде и всюду и иметь большой пространственный диапазон, что так необходимо мировой державе для продвижения и защиты своих национальных интересов.

Как справедливо замечает китайский исследователь Лю Цзайци: «У кого отсутствует огромная совокупная государственная мощь, тот оказывается в пассивном, не защищенном от нападения положении, что уже стало общим местом в политике. «Мягкой силой» оказывается мудрость, выраженная в ходе применения «твердой силы». Таким образом, укрепление «твердой силы» можно компенсировать увеличением «мягкой силы». И даже когда «твердая сила» несколько укрепляется, совокупная государственная мощь может сокращаться в связи с ослаблением «мягкой силы»» [8]. В связи с этим, фактор «мягкой-психической» и «твердой-физической» силы остается основополагающим в продвижении и защите национальных интересов государства на мировой арене.

В целом, комбинация сегментов «мягкой» и «твердой силы» во внешней политике государства наилучшим образом способствует реализации и защите его национальных интересов. На основании этих сегментов осуществляется качественное движение государства по международной иерархии, т.е. происходит изменение места страны в глобальной и региональной структуре, основанной на балансе сил. Поэтому в целях развития своего экономического потенциала и усиления геополитического влияния нашей стране необходимо наращивать «мягкое» и «жесткое» влияние на постсоветском и Евразийском пространстве в целом.

Список литературы:

1. Афганский наркотрафик как средство войны с Россией // [Электронный ресурс] URL: <https://www.ritmearasia.org/news--2016-07-13--afganskij-narkotrafik-kak-sredstvo-vojny-s-rossiej-24638>

2. Басов В. Ядерная ампутация Тегерана и опасный блеф янки // [Электронный ресурс] URL: <http://inosmi.ru/world/20150409/227381265.html>
3. Бжезинский, З. Великая шахматная доска Господство Америки и ее геостратегические императивы: пер. с англ. / З. Бжезинский. – М.: Международные отношения. – 1998. – С. 304.
4. Най Дж. Мягкая сила / [Электронный ресурс] URL: <http://www.situation.ru/app/j art 1165.htm>
5. Сметанин Я. Учения НАТО вблизи российских границ: грамотно обвиняй, искусно оправдывайся // [Электронный ресурс] URL: <https://topwar.ru/113277-ucheniya-nato-vblizi-rossiyskih-granic-gramotno-obvinyay-iskusno-opravdyvaysya.html>
6. Форум «Пояс и путь» в Пекине – важная веха концепции «сообщества единой судьбы» // [Электронный ресурс] URL: <https://riss.ru/analytics/40861/>
7. «Шелковый путь»: Россия, Китай и Монголия могут стать единым экономическим пространством // [Электронный ресурс] URL: <https://riss.ru/smi/11512/>
8. Цзайци Лю. «Мягкая сила» в стратегии развития Китая // Полис. №4. 2009. С. 154.

References

1. Afganskij narkotrafik kak sredstvo vojny s Rossiej // [Электронный ресурс] URL: <https://www.ritmeurasia.org/news--2016-07-13--afganskij-narkotrafik-kak-sredstvo-vojny-s-rossiej-24638>
2. Basov V. YAdernaya amputaciya Tegerana i opasnyj blef yanki // [Электронный ресурс] URL: <http://inosmi.ru/world/20150409/227381265.html>
3. Bzhezinskij, Z. Velikaya shahmatnaya doska Gospodstvo Ameriki i ee geostrategicheskie imperativy: per. s angl. / Z. Bzhezinskij. – М.: Mezhdunarodnye otnosheniya. – 1998. – S. 304.
4. Naj Dzh. Myagkaya sila / [Электронный ресурс] URL: <http://www.situation.ru/app/j art 1165.htm>
5. Smetanin YA. Ucheniya NATO vblizi rossijskih granic: gramotno obvinyaj, iskusno opravdyvajsya // [Электронный ресурс] URL: <https://topwar.ru/113277-ucheniya-nato-vblizi-rossiyskih-granic-gramotno-obvinyay-iskusno-opravdyvaysya.html>
6. Forum «Poyas i put'» v Pekine – vazhnaya vekha koncepcii «soobshchestva edinoj sud'by» // [Электронный ресурс] URL: <https://riss.ru/analytics/40861/>
7. «Shelkovyj put'»: Rossiya, Kitaj i Mongoliya mogut stat' edinyim ehkonomicheskim prostranstvom // [Электронный ресурс] URL: <https://riss.ru/smi/11512/>
8. Czajci Lyu. «Myagkaya sila» v strategii razvitiya Kitaya // Polis. №4. 2009. S. 154.